

«Красные» как противостоятели Западу

Воспитанные в традициях революционного подполья большевики в своей риторике были первоначально ближе к русофобии, чем к русофильству. Однако логика избранной идеологии объективно заставляла большевиков все в большей степени переходить на государственнические позиции. Именно Гражданская война, в которой России пришлось противостоять не только и не столько «белым», сколько стоящей за их спиной объединенной западной агрессии, стала историческим контекстом этой идейной трансформации.

Индикатором неоимперской сущности новой власти стала советско-польская война. Большевики воевали с поляками не как с классовыми антагонистами, а национальными историческими врагами России. Белые генералы оказывались в одном лагере с польскими сепаратистами. Не «нэповский термидор», а именно война большевиков с Польшей породила, по всей видимости, сменовеховство. «Их армия, — писал В. В. Шульгин, — была поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области»⁶⁸.

В пропаганде среди красноармейцев большевики апеллировали к патриотическим чувствам русского человека. Л. Д. Троцкий в одной из прокламаций по Красной Армии заявлял, что «союзники» собираются превратить Россию в британскую колонию⁶⁹. Со страниц «Правды» Л. Д. Троцкий провозглашал: «Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции. Буденный национальнее Врангеля»⁷⁰.

Даже великий князь Александр Михайлович Романов признавал, что имперскую миссию во время Гражданской войны взяли на себя большевики. «Положение вождей Белого движения, — писал он, — стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных вы-

⁶⁸ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М.: Память, 1989. С. 516.

⁶⁹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 256.

⁷⁰ Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991. С. 82.

ступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...»⁷¹.

Естественно, что среди офицерского корпуса существовало и имперское крыло. По-видимому, многие из патриотически-мыслящих офицеров перешли на сторону большевиков. На службе в Красную Армию добровольно переходит легендарный командующий Первой мировой войны генерал А. А. Брусиков. По словам В. В. Шульгина: «Одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много»⁷². Согласно расчетам Г. А. Кавтарадзе, в Красную Армию перешло примерно 30% состава российского офицерского корпуса (33% офицеров Генерального штаба). Учитывая, что другие 30% оказались после 1917 г. вообще вне какой-либо армейской службы, то получается, что численность бывших царских офицеров среди белых и красных сопоставима⁷³. Причем, убедившись в псевдомонархизме белой армии, многие из офицеров ее довольно быстро покидали, в т. ч. и переходя на сторону красных. Всего из Белой армии в Красную за время Гражданской войны перешло 14390 офицеров, т. е. каждый седьмой⁷⁴.

Наиболее ценны признания исторической правоты большевизма, исходящие от его противников. Выводы монархиста В. В. Шульгина по осмыслению опыта Октябрьской революции, гласили о том, что именно «большевики:

- 1) восстанавливают военное могущество России;
- 2) восстанавливают границы российской державы до ее естественных пределов;
- 3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского»⁷⁵.

Суверенитет и целостность России, вне зависимости от исходных представлений периода подполья, защищали в условиях Гражданской войны именно большевики.

⁷¹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 257.

⁷² Шульгин В. В. Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России. СПб.: Хорс, 1992. С. 123.

⁷³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988.

⁷⁴ Там же. С. 174.

⁷⁵ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М.: Память, 1989. С. 517.

Гражданская война в России сопровождалась традиционной для периодов русских смут внешней агрессией. Пафос этого противостояния отражался в восприятии России в качестве осажденной врагами крепости.

В выборе воюющей стороны важнейшую роль играли этические, нравственные, психологические аспекты, важнейшим из которых были российско-германские отношения. В условиях оккупации части России и сотрудничества Москвы с Берлином белые генералы рассматривали гражданскую войну как продолжение мировой, когда противник представлял в виде двуликого немецко-большевистского Януса.

В современной историографии большевиков пытаются зачастую представить едва ли не ставленниками и выразителями политической воли Германии. Если бы такой вектор большевистской политики действительно существовал, он в бы в гораздо большей степени отвечал евразийской сущности российского имперостроительства, чем атлантистская линия «Антанты»⁷⁶. Однако гипотетическое сотрудничество с определенными военными кругами Германии не следует интерпретировать в качестве союза. Стоит напомнить, что дату рождения Красной Армии было принято связывать с боевыми успехами именно на германском фронте. Уступка же территорий по Брестскому миру оказалась, как и предсказывал В. И. Ленин, краткосрочной. В скором времени, не без участия большевиков, революция разразилась в самой Германии. «Брест-то вышел немцам боком», — рассуждал в ноябре 1918 года герой романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам» Вадим Рощин. Если даже немецкое военное командование и рассчитывало на исполнение В. И. Лениным каких-то «долговых обязательств», то в этих ожиданиях обманулось. Вербальные германские деньги были в конечном итоге аккумулированы на российское имперостроительство. Несмотря на космополитическую фразеологию, В. И. Ленин мыслил евразийскими параметрами. Он категорически отвергал сотрудничество с «буржуазными националистами». Отвергнутыми оказались, в частности, все предложения об альянсе большевиков с украинскими сепаратистами⁷⁷.

⁷⁶ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997.

⁷⁷ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного населения. М.: РОССПЭН, 1997. С. 32, 144; Красный архив. 1929. Т. 2. С. 10.